

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д36

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Дергунов, Александр Игоревич.
Д36 Элемент 68 : / Александр Дергунов. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-04-100614-3

Эрбий — 68-й элемент таблицы Менделеева — движущая сила самого страшного оружия: атомного. Отец Алексея Бальшакова разрабатывал такое оружие, но потом погиб при странных обстоятельствах, и в наследство сыну досталась полная странных сближений судьба.

Сохранить открытие отца для человечества или выбрать путь тихой частной жизни с любимой женщиной и семьей — вот проблема, которую сразу не решить. Потому что одно тесно связано с другим, и когда на кон поставлены большие деньги, мораль отступает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100614-3

© Дергунов А., текст, 2019
© Славникова О., предисловие, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ В ЭПОХУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Предположим, в одном полуразвалившемся в 90-е российском НИИ некоему гению удалось синтезировать вещество, способное пятью каплями окислить целый нефтяной бассейн. То есть сварить нефть до состояния битума. Мало того, под земляной шкурой образуется опасный кислородно-водородный пузырь, и если он рванет, то от территории мало что останется.

Нет, роман Александра Дергунова — не антиутопия. И не боевик в духе Яна Флеминга. Эпохальное открытие — может, оно состоялось, а может, и нет. Вещество нестабильно, сведения недостоверны, результаты экспериментов утрачены, сам ученый погиб на секретном полигоне в заполярной тундре. Где-то они есть, заветные микрофильмы, где-то близко, и герои романа ощущают их присутствие, как железки чуют магнит. Вроде бы у всех своя жизнь: бизнесмены делают деньги, бандиты крышуют, интеллигенты на старых дачах читают книги да копают огороды. Но в траектории каждой судьбы есть неуловимое смещение, роковая неправильность, выверт. Показать это общее смещение в многогеройной мозаике романа — настоящая удача автора.

Микрофильмы в конце концов найдутся (они и правда были близко, руку протяни). Загадка будет разгадана — но главные вопросы останутся без ответов. В роковые девяностые, когда все вокруг ломалось через колено, — был ли у интеллигенции выбор? Могла ли она не допустить, исправить, встать у руля? А если выбора не было, если весь ход событий вел к печально известному «Если ты такой

умный, то почему ты такой бедный?» — тогда откуда этот груз ответственности и вины?

Главный герой романа Алексей Бальшаков — из пасынков девяностых. Это его отец синтезировал тетраоксид эрбия — вещество, один слух о котором привел в движение капиталы, спецслужбы, авантюристов всех мастей. До поры не знающий о своем наследстве, Алексей попытался делать бизнес, но оказался не из тех, кому на Руси разрешено зарабатывать деньги. Соблазнившись «схемой», предложенной старым знакомцем, он оказался вовлечен в рейдерский захват отцовского института и чуть не погубил последнюю действующую лабораторию. Сам же и попытался исправить. Усилия его значили не больше, чем жужжание залетевшей в самолет мухи. Но непонимание собственной слабости обернулось силой. А еще Алексей оказался умный. Действия его, как выяснит читатель в конце романа, были с двойными и тройными кодировками. Все закончится — нет, не миллиардами в банке и не всеобщим торжеством справедливости. Но главный герой сумеет оптимизировать собственную судьбу — в тех пределах, какие изначально интеллигенту заданы.

А еще в романе есть любовный многоугольник. Участвуют в нем только два человека: Алексей и его сложная женщина Ольга. Много углов образуется потому, что Ольга и Алексей не раз меняются за долгую совместную и несовместную жизнь. Сперва девяностые, потом эмиграция в Канаду, где правила, может, и понятнее, но ответов на главные вопросы по-прежнему нет. Но как бы ни искажала линии судьбы загадка тетраоксида эрбия, героев поддерживают прочные константы: любовь, нежность, совесть.

Роман Александра Дергунова — живое, ироничное чтение с изящной интригой. И сюрприз: «Элемент 68» — первый роман российско-канадского писателя, прежде публиковавшего только рассказы. Как принято в таких случаях говорить — от автора в будущем можно ожидать многого.

Ольга Славникова

ПРОЛОГ

Скрип тормозов, кульбиты через крышу, огненный столб.

Ничего такого не было.

Лишь желтый «Пежо» и большеротая женщина за рулем. А после та же машина и женщина, спрессованные воедино жесткой опорой моста. Он сам не знает, как оказался на месте аварии, — в байковой пижаме и домашних тапочках.

Пугает даже не сама катастрофа, а минуты после нее. Человек в пижаме боится подойти к искореженному кузову и впустить в сны инсталляцию из порванного металла, уцелевших бус и рассыпавшегося лица. Он мечется у обочины, не зная, как следует себя вести. Следует курить одну за другой, но уже лет десять назад бросил. Еще уместно обезуметь и кататься по земле, но зеваки вокруг, и вообще, как можно взять и упасть на мокрую траву.

Потом придут милиционеры и врачи — люди, для которых чужая смерть — будни. Прoberутся к железному узлу в кювете, что-то расскажут в рацию, подпишут бумаги. Доктора, убедившись, что спасти некого, уедут, а усталый милиционер — почему-то всегда усталый — начнет задавать вопросы. И тогда уже не надо думать, как себя вести. Надо просто рассказывать.

— Как звать?

- Алексей Павлович Бальшаков. Через два «А».
- Кем приходится погибшая?
- Жили вместе. Не в браке, скорее любовница. Пишите «гражданская жена».
- Как познакомились?
- Да лет пять назад, в магазине. Я за нее заступился. Не перед хулиганами, перед очередью. Но тоже, знаете ли.
- Как давно живем вместе?
- Да с того дня и живем.
- Почему не расписались?
- Не знали, что лежит в бархатном футляре.
- Где прописан?
- Там-то и там-то, да, Москва. Но адрес проживания другой — совсем маленькая деревня под Волоколамском.
- Кем работала погибшая?
- Полиграфический дизайн. По большей части из дома.
- Сам?
- Да уже лет десять не работаю. Был свой бизнес, но бросил. Тогда входил в моду дауншифтинг. Нет, это не курорт в Турции.
- Когда общались в последний раз?
- Она звонила около восьми, сказала, что выезжает. Но сейчас-то уже почти одиннадцать. Ну, начало одиннадцатого, какая разница!
- Ругались с погибшей?
- Да кто не ругается.
- Из-за чего?
- По мелочам. Вот последний месяц из-за предстоящего отъезда. На две недели к маме. Вы можете себе представить? Разве это нормально! Для вас, да? Ну, хорошо, пусть так.
- Он устало прикрыл глаза.

С затворенными веками вспомнил, как они жили завершающий месяц — ссоры, недоговоренности, сборы втихаря. Почти задремал, но сон расшатало чавканье шин в луже перед калиткой. Потом свет фар распечатал на стене узор тюлевых занавесок. Заскрипели ворота, тюлевый узор переполз на потолок, зацепился за рожок люстры, исчез. Мужчина в байковой пижаме перекатился по замятым бессонницей простыням, подтянулся к подоконнику и увидел желтый «Пежо» во дворе. Значит, сегодня беда прошла мимо. Можно спокойно жить еще пять дней.

Он сполз на кровать — слушать скрип калитки, шум воды в ванной, крадущиеся шаги в спальню. Скрючился под одеялом, разогревая обиду за свои страхи. Не отозвался на тихое «Милый, привет!». В ответ на несмелую ласку притворился спящим. А когда услышал рядом ровное дыхание, перевернулся на другой бок, приподнялся на локте и долго любовался выгученным наизусть лицом.

Проснулся рано. Умылся холодной водой, вышел на улицу. Тщательно притворил дверь, чтобы не затекало в дом черное утро ноября. Ушел к обрыву.

Вернулся не скоро, когда оранжевая полоса на востоке уже отчеркнула прожитую ночь. Хлопотал по хозяйству, подтапливал печь, не смог удержаться от соблазна заглянуть в спальню. Застыл у кровати, подкарауливая улыбку первого пробуждения. Не дождавшись, ушел, но скоро надумал повод вернуться и снова ждал, пока, наконец, не дрогнули веки спящей. Тогда он решился пробраться в ее сон торопливым перебором губ по выкинутой из-под одеяла голени, смешным пофыркиванием у уха, щекотанием ресниц по отпечаткам подушки на теплой щеке. Она щурилась сонной улыбкой. Вертела головой — то ли уворачиваясь от поцелуев, то ли пы-

таясь поймать его губы. Пряталась за ладошками, до-
сматривая сон.

Когда выглянула из-за пальцев, мужские зрачки спря-
тались.

Он вспомнил вечер, пробурчал зло: «Шляешься по
ночам» — и ушел варить кофе. За завтраком вся поза
его выражала обиду и раздражение. Молча разлил кофе,
громко стучал ножом по разделочной доске, уселся за
стол, отгородившись тяжелыми барьерами придуман-
ных обид.

Женщина была легкой. Перемахнула обиды, подошла
сзади, запустила ладонь под отворенный ворот клетча-
той рубахи, прижалась к небритой щеке. Мягко переби-
рая ноготками, соскребала обиду с его сердца, мятным
дыханием растопила холодный злой ком.

— Ты же знаешь, как я волнуюсь, — выдохнул он тре-
воги прошлой ночи.

— Ты же знаешь, что со мной ничего не случится.

— Я люблю тебя.

— Милый...

Имен не было. Имена нужны, чтобы различать подоб-
ное, а они были в этом деревенском доме единственны-
ми мужчиной и женщиной. Как первые люди в Раю. У тех
тоже не было имен, пока потомки не начали разбира-
ться, кто кого родил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Баграт стоит прочно на земле короткими раскочанными ногами. Руки жилистые, пальцы цепкие, шерстистые до ногтей. Высокий, с вмятиной, лоб. Остальное по мелочи: пестрые фасолины глаз, изломанные уши, три золотых коронки невпопад.

При всей своей приземленности Баграт склонен к театральным эффектам. Примчался в деревню к Алексею на угловатом «Мерседесе», сорвал гудком грачей с веток дуба, выдавил зубастыми колесами мутную жижу из подсыхающей земли. Возвышаясь на подножке, обвел широким жестом деревенский двор и пропел, отчаянно фальшивя, строфу из неофициального гимна студенческих строительных отрядов:

Пускай работает железный самосвал,
Не для того меня папаша создавал.

Алексей наблюдал за представлением, обвиснув локтями на черенке лопаты. За ним, в кильватере, тянулся короткий след вспененной земли. Вместо чаек по перевернутым жирным комьям важно разгуливали склочные вороны и выцепляли из развала тянучки дождевых червей.

— Забор придется укрепить, — голос Баграта прервал мечты Алексея, — а вот здесь мы поставим охранника.

— Что охранять? — поинтересовался Алексей.

— Дом-музей олигарха, — пояснил Баграт. — Народ захочет знать, как живут лучшие люди.

— Ты купил мне лотерейный билет?

— Пять дней назад, но ты не выиграл.

— Соблазнил мною богатую вдову? — догадался Алексей.

— Немилосердно подсовывать тебя убитой горем женщине.

— Приехал известить меня о наследстве?

— Бинго! — заорал Баграт.

— Мне некогда участвовать в розыгрышах, — сообщил Алексей. — Но если поможешь с огородом, я займу тебе «пятихатку» на пару недель.

Баграт соскочил с хромированной подножки и зашагал к дому. Шел аккуратно. Прежде чем сделать очередной шаг, надавливал лакированным ботинком на серую тротуарную плитку и лишь после переносил на ногу тяжесть тела. Блестящие туфли, белые носки, идеальная стрелка на брюках. У крыльца мощеная дорожка заканчивалась. Баграт пощупал голую землю, та засочилась влагой. Гость отступил.

— Для весенних сельхозработ ты оделся несколько легкомысленно, — заметил Алексей, ополаскивая руки под уличным умывальником.

Умывальник он собрал сам, привязав к столбу большую пластиковую бутылку. Бутылка с отрезанным дном вешалась горлышком вниз, а винтовая крышка протыкалась расплавленным гвоздем. Если нажать на гвоздь снизу, то польется вода. Не самая совершенная конструкция, но зато можно не ходить лишний раз в дом и не разносить грязь по комнатам. Алексей вытер руки висевшим на том же столбе полотенцем и двинулся к гостю для официального приветствия.

Баграт распахнул объятия. Алексей тоже развел руки в широком жесте, но, рассмотрев невозможной белизны сорочку гостя, передумал и отгородился протянутой для пожатия рукой. Баграт пробежался взглядом по Алексею: джинсы с зелеными коленками, майка в пятнах земли — и на объятиях настаивать тоже не стал. Зато руку сжал крепко, даже больно.

— Дурью меряешься? — выдернул ладонь Алексей.

— Проверяю, достаточно ли крепка твоя рука, чтобы поднять два центнера.

— Почему не три?

— Потому, — пояснил гость, — что миллиард рублей весит два.

— Ты переборщил. В миллион я бы, может, и поверил.

— Нет у меня миллиона, бери, что дают. Свое счастье можешь забрать в любое удобное для тебя время, в помещении юридической конторы. — Баграт извлек из полы пиджака визитную карточку и двумя пальцами протянул Алексею: — Время работы и адрес указаны на обороте.

Алексей повертел в пальцах кусок бумаги, тисненый золотом. Гербовый орел на лицевой стороне, схема проезда на обратной. В пористый прямоугольник впитались отпечатки черных пальцев Алексея. Он сунул бумажку в задний карман брюк. Спросил, глядя за плечо бывшего однокурсника:

— Как там наши?

— Да никак особо. Секретарь сдулся, Никодимыч прет, Анастасия тебе привет передавала.

— Прямо так уж и мне?

— Да, так и сказала: «Встретишь наших — передай привет».

— Понятно... — протянул Алексей.

— Хорошо, — одобрил Баграт.

Помолчали. Алексей затирал носком ботинка в землю головку одуванчика. Баграт смотрел на экран телефона.

— Сколько жрет твоя железная лошадь? — Алексей указал рукой на джип.

— Какая разница?

— Хочу узнать, сколько денег ты потратил на топливо зазря.

— Ради друга я готов на все! — воскликнул Баграт.

— Мы знакомы сто лет, и я не верю в твои сантиметры. Был рад тебя видеть, но как раз сейчас мне некуда девать миллиард.

— Мне кажется, физический труд плохо влияет на твои умственные способности.

— Возможно, — согласился Алексей, — но патология необратима. У меня есть все, что мне нужно.

— Вот в этой дыре?

— Ты еще в доме не был.

— Закрой глаза и попробуй ощутить себя на миллиард счастливее.

— Ощущаю сплошной головняк и обострение атипичного геморроя.

— Мой телефон указан на визитке. — Баграт пробрался к своей машине, ступая с прежней брезгливостью, хлопнул дверью, развернулся, чиркнув бампером о забор, и пропал в конце улицы — свернул у церковной ограды.

Алексей вышел за калитку, штыком лопаты крест-накрест проткнул глубокий отпечаток протектора, залюбовался нежным майским днем. Весна стояла чудесная, со-страдательная, с духом прелого чернозема над перепахан-ными огородами и клейкой порослью на липовых ветвях.

Дом под Волоколамском Бальшакову достался от деда. Тому — от прадеда. Пока не покинула деревню жизнь, в каждом пятом срубе жила семья родственников, столь

далеких и не похожих, что проще было считать их однофамильцами. В начале пятидесятых уехал в Москву и дед Алексея — учиться на машиниста метро. В Москве же защищал свою диссертацию отец Алексея — Павел. Бальшаков-младший родился уже городским, и отчая деревня вкрапливалась в детские воспоминания лишь жесткими ладонями деда и свободой ночных костров, немислимой для десятилетних городских пацанов.

После поступления в институт в деревню Алексей почти не навещался — он сдал вступительные экзамены в год Указа, тогда свободы хватало и в городе. Хотя указов тогда было много, но Указом с большой буквы их поколение привыкло считать майский — антиалкогольный.

Время было непонятное. Пригрозили перестройкой. Говорить разрешили все. У винно-водочных магазинов сколачивались первые бригады предпринимателей, которые держали очередь, спекулировали водкой и до полусмерти избивали недовольных перед толпой испуганных людей, слепо высматривающих затылок впереди стоящего.

Предпринимательство в галстуках — при райкомах комсомола — разрешили в Союзе позже, когда бригады у ликеро-водочных отделов уже набрали свою нахрапистую силу. Возможно, поменяй изобретатель гласности указы местами, то забродил бы в стране иной капитализм. Но история не знает сослагательных наклонений.

Неожиданно разрешили быть богатыми. У Алексея завелись деньги. Сеть торговых павильонов росла быстро, и через два года выручку собирал бронированный автомобиль. Кевларовые инкассаторы, подозрительно поводя по сторонам рыльцами коротких автоматов, затаривали нутро броневишка опечатанными денежными мешками. Проворные пальцы банковских служащих